

Андрей ТАВРОВ

Андрей Тавров родился в городе Ростов-на-Дону в 1948 году. Окончил филологический факультет МГУ по отделению русской филологии в 1971 году. Автор 20 книг стихов и прозы, публикаций в журналах («Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Воздух», «Урал», «Арион», «Новая Юность» и др.), участвовал в ряде поэтических антологий. Главный редактор поэтической серии издательства «Русский Гулливер», главный редактор журнала «Гвидеон». Лауреат большой премии «Московский наблюдатель» (2017), премии Андрея Белого (2019).

ФЛОТ В АВЛИДЕ

Авлида. Начало войны

Солдаты как столбы комаров
покачиваются в колодцах тел
строй кораблей линейных
собран с весельной прямою
бабочка над девочкой Ифой
гнездо из воздуха вьет

Мы были живыми, живыми,
мы кровь свою шевелили
как карту Европы рукой бестелесной
порывом ветра, да воплем детским

меж нами стоит минотавр
себя в себе на мизинце держит балансом
шевелит языком кривые весы
на чаше одной – парус в поту и крови
на второй – листопад, невнятная речь Бытия
он в себе и в бабочке – человек в человеке

когда человек из человека выходит
в поезде загораются занавески
Гераклит мажет себя навозом
цепеллином черным взлетает к рогатым звездам
шнуровали футбольный мяч
как лицо его с розой в ноздре
розой с пустым дыханьем Ифы внутри

Сущее умирает, не умирая, плачет не плача
говорит без слова поет без звука

вспоминаемый строй кораблей со стекла твоего исчезает смутно
вслед именам отплывающим от зарезанной лани

Журавль

У длинного журавля ни ветрил ни руля
и в клюве его зола, а сам — земля
у него в ногах сердца убиенных птах
с людской многочисленной головой
меж парусов и плах

У длинноногой и журавлиной гроша слеза
не стоит пускай а в небе кочует снаряд
из птичьей ключицы ясного взгляда
трубок и перьев и людских, заблудившихся в красных светилах
продольных и мерзлых как метр на лафете стай

Зачем тебе голова твоего мужа, царица?
Она уже — колесо в пене, как конь отскакавший в попоне,
она уже — плита
она уже спица, коей воздух в глазах прожилками вяжут,
она уже пароход на Волге с музыкой по берегам

Зри!
Рок расположен там, где клювоногие Парки
тянут нить, тянут персть в продольное время
нет времени для парохода в музыке среди садов неотъемных
ни пятой ни йотой не смочь туда Року-Судьбе
нет входа времени, пище детерминации, логическому событию
туда. Не быть им в бесшумном крике, небесном лике,
в занебесной трубе.

У длинного журавля ни времени ни рубля,
но кость с нуля и судьба с нуля
и капилляры, вытканы словно плат
на черной земле лежат.

Ах журавль, пенелопин корабль, пожалей царей
дай из клюва испить твоих серебряных снегирей
не уходи от меня колодцем о ста ногах
но возьми меня в небо в мускулистых руках
в мыслящих облаках

Скачет белая лань в темный угол, в короб земной
с разорванной шеей, с родной отцово-девичьей головой
темная лань ты сердце мое не рань
поплачь над птичьей моей, забубенной моей судьбой

пока корни в землю идут, пока ангел мнет целлофан
небес, пока время стоит пропадая в дереве и сверчке
пусть бьет из чаши живой и единой на всех фонтан
красной рукой дотянувшись до бакена на реке

а на волнах человек с сердечной землей стоит
сам как бакен, качаясь, горит
видит ясно грудная его земля
полет занебесного журавля.

Зверь

Обратной птицей из стекла
ты в тишину мою влетела,
свеча зажечься не смогла,
но вышел сильный свет из тела.

И зверь глядит на облик свой
убитым из дустволки оком,
припоминая, как живой,
суть бега в воздухе глубоком.

Он имя шепчет и плывет
в огромном пламени открытом,
где сад стоит в ночи болидом
и в небо вывернулся грот.

Идет к кораблям минотавр...

Идет к кораблям минотавр,
черный, как мавр, как лавр

в правом роге время вверх течет,
в левом – вниз, а он, как звездочет
к окулярам глаз своих припал,
ветер зренье чубом растрепал

Он живот зажал, где звезды говорят
и платоновых фигур танцует рой
и стеклянные гранаты их горят
чтобы оставался ты живой

шепчут там беззвучные слова
от которых в розе тишина
и одна лишь ангела глава
с песней чудной между них слышна

вот шаги его и тело разбрелись
словно птица вынута из глаз
распадается и вверх и вниз
там где части исчезают нас

но играют все ж над рогом, что торчит
из песка над разными костями
сфера, куб, октаэдр и щит
среди небес осенних всех восьми

станет тело прахом, а язык
птицей чуждой в воздух улетит,

но стоят над кораблями, правдой их
сфера, куб, октаэдр и щит

это как с той стороны земли
зеркало чуть дрогнет и блеснет
и что было близко и вдали
на лице любимом не умрет

О небо...

О небо, говори со мною
свой непослушный рот едва я приоткрою,
чтоб леонидов и комет огонь и воркотня
мне грудь избив, расширили меня
до черепицы крыш и сада из Катулла
и зяблика, что жизнью нам мерцает
и в воздухе стоит и улетает
в сады где Лесбию червяк недавно ждал,
как будто он в огнях большой вокзал
и где Валерий бился чтоб войти
туда откуда вышел он лицом
и песней на губах с воробушком-птенцом,
собой исчезнуть вновь как корибант
для гнутых губ для гулкого ребра.

О неба сильный рот, задуй мне в дудку,
как хоронили словно незабудку
бомжиху Юрьевну и лоб ее нетлен
как белый флот проплыл всего взамен,
а ты во мне смеялось
звездой звало и розой озарялось
и в глубине земли
как гвозди черви пели и росли.

Мы не напрасны, я и твой Катулл
слезой сбежим с посеребренных скул,
как будто мир еще совсем не начат
а только всходит первая трава,
что нас укроет, но едва-едва,
и жидкий глас птенца нас с ним оплачет.

О небо говори, сколь мощны пропилен
твоих садов, как гулко вещество
пошедшее на кровь, птенцов, зверей и
на звуком тронутое существо.

Твоей гармонии двоякое лицо
соединит распад с нетленьем,
проступит в бабочке, как в кладезе кольцо
ее домировое дуновение.

А мы, длинней червя и ниже птицы,
одни смыкаем общие ресницы
и с ними и с кукушкой и со львом,
и звук один в глубине твоей поем.

Одиссей наблюдает ночь

Ночь идет спиной вперед за ним, к заливу и
спиной вперед идут навстречу корабли
строенье мира схоже с муравейником
осторожно Одиссей вынимает глаза,
созвездие их к другим созвездиям посылает
видит теперь много прозрачных сфер
будто их вместо мыла выдували из хрусталя
жук движется головой назад по песку

Одиссей следит как смещаются мировые сферы
словно колеса телеги с голыми мертвыми людьми,
исчезающими прежде своего появления
в самовозрастающем логосе,
в сферах, входящих и выходящих друг из друга
с легким звоном, будто тенькнула птичка
Нет у космоса конца, но есть
разговор и музыка для великих.
Одиссей глотает слюну осторожно, как вдевающий
нитку в ушко, слюна изо рта стекает в светила
и нитями льется на мускулистую грудь.
Сферы стоят далекие как он сам, когда мыслит себя,
человек это ручная работа Ананке,
ночь падает в них обоих как в очки
куст едва ли виден на сфере дальней эллипсовидной
или это кузнечик?
Нет, се человек, руки тянет что-то напевает, что-то
бормочет на непонятном языке, так далеко он
как ты сам, похожий в латах на паука
в нитках расходящейся во все стороны смерти
а может это и есть ты сам

Песня Гельдерлину об именах

Именам, долго ль звучать, порождая вещь, человека, либо
память о вещи и человеке
в которой они плывут по разлученному Бытию?
Ответьте мне стражи смысла, Ангелы, Вестники и Посланцы,
проступающие и уходящие,
открывающие цветок, на горах глядящие на
рожающих, выгибающихся серн.

Без меня вам в мир не войти,

хоть и сгораю я, ужасаясь вашей близости,
о вы, святые, носящие имена!
И только утратив себя вместе со временем
выдерживаю я вашу близость в измерении,
что названо сокрушением, что есть свет внутренний,
втягивающий маршрут Беатрисы.

Долго ль – Агаменнон, Геката, Андромаха?..
Все еще длятся – Аякс, Евридика и Зоя,
все еще в снегу можно расслышать имена кораблей и деревьев
и тропинок, ведущих с горы.
«В именах причина вещей», говорит Лао-цзы,
а Платон говорит об идеях.
Но нет вечных имен, ибо в любое из них
 человек вносит погрешность,
все большую со временем. Ведь имя произнести чисто –
это войти в Бытие, из которого оно вышло,
 чтоб охватить жизнью вещь,
втекая в нее и вытекающая из нее, животворя.
Или даже совпасть с Бытием.

Но может нам больше не надо имен:
Скамандр, Еврипил, Остров, Собака, Лаэрт, Виноград...
Может, прошло время имен....

Имена и вещи взаимосвязаны,
 пояс Индры, сверкающий, поясняет это –
есть только Неименуемое.

Но поцелуй... но слезы стыда или радости, когда
имена отступали в тень, умирая, но вновь
 возрождаясь.

Листопад, Фетида, Персей, Навсикая –
разве вы не идете времени против
разве не умираете, воскресая,
не плачете как младенцы, не умолкаете как старцы, чтобы
стать шепотом духа в строящем, видящем ухе?

Рождаясь и умирая в одно и то же отсутствие времени,
у каждого из вас в руке фонарь, высветляющий мир,
ослепляющий «знающих», владеющих информацией.

Эти слова говорю не я, а мой безымянный
рождающий имя с воплем и воплем
в присутствии Небесного существа,
умирающий вместе с речкой, любимым лицом, серебряной
и золотой рыбой в ночном фонтане с черной водой.
Кто же тот, кто видит все это, кто же тот, Бесконечный,
что принимает имя как муку
рождения?
Струится ручей, трепещет листва, солнце восходит,
пронизаны безымянным и именами. «Все вещи
в труде» – Экклезиаст, «в войне», добавил Гераклит Темный,
Александр, Иоанна, Леда, Гермес, Антигона,

мы пьем из имен, покуда их не теряем.
Не все из имен сожигают Небесные, но пишет человек
собой на белом камне,

на тропинках и одиночестве, на плаче и плеске волны,
на серых сквозняках городов, на смерти матери и рождении дитяти,
в пустой и бесконечной глубине сердца:
Иония, Магда, Тесей, Андромаха, Эос, Мария.

С той стороны коня

С той стороны коня есть человек
сюда он смотрит умными глазами
и нет преград меж взглядом их и нами,
рождает нас один живой объем
вот почему коня мы узнаем
не как преграду, а как сгусток пониманья.

Дитя кричит, теряя в родах знанье
и стонет старец, обретая
его у гроба. Птица золотая,
листва, слетая, кто стоит за вами,
с той стороны в огромной неба яме?

Я думаю тот я, струящийся как свет,
ружейными не опаленный именами,
в котором неразменный ход планет
сменяется другими временами,
где губы говорят, но формы слова нет.

О лес осенний, оловянный дирижабль,
ты вытянут в длину и синью ты воздушен,
листвой горяч и мышцей обнаружен,
несущей птиц и озера скрижаль
сдвигающий нам яблоко глазное
без Архимеда, рычагом Земли.

О лес осенний, соколу внемли
с той стороны его есть человек,
он смыслом выступает из-под век,
как светлой целью найденная лампа.

Вот мы летим, мы верные часы,
струятся в ветре синие волосы,
дюралевая ласточка взлетает
и головой рассерженной кивает.

А лось застыл весь в сини по колено
его уста медь буквы жгут собой
и вижу я, что там, за ним, из плена
ушедший я стою всей ширью мировой.

Тиресий и Елена

Тиресий старец в космос погружен
змеиной чешуей и женским оком
не старец, а паук семи времен
в них отразившись ненароком.
он мир провидит как сова,
чья среди мертвых бродит голова.

Елена говорит: возьми меня!
другого не хочу мужского я огня.
И гнезда полые скитаются по небу,
и птицы линзы ясные несут,
рыбак рождает сильным оком нерпу,
разрушив глаза крепкий изумруд.

Есть мир сцеплений, говорит Тиресий,
и мир колес, где втулка – пустота,
и в звездном смешаны замесе
тот и другой, как нагота
с твоим богохранимым телом
в шелках и золоте, и белым.

Елена плавает пред ним,
пятою тверди не касаясь.
а он – стокрылый херувим
в тоске кричит, как мертвый заяц.

Его уста, как рыбы хвост,
Эврип левиафаном сокрушают
и сотни кораблей пылают
среди удаленных звезд

Есть скрытая гармония, он шепчет,
она сильнее явной, кто ж увидит
ее, Елена, глядя на тебя,
она внутри сияет, косточки кузнечик,
как солнечный снежок вдоль потаенных речек,
а к ней притронется Ахилл –
и станет ангелом или сожжется!

И встали мертвые могил,
и вышли девы из колодца,
пока ей старец говорил
слова, лежащие в основе жизни,
в составе мертвых и живых
и звезды с астероидами висли
в его немой загробной бороде.

Берет иглу Елена

и зашивает мелкими стежками
прорехи на его одежде и на теле,
такими мелкими, что их слеза крупнее –
отверстия на горле, сердце, животе и на плече вот...
А он стоит пред ней, как невод
в серебряном плаще
и его око на свече.

В синиц двояковыпуклом стекле
пусть мир нелегкий прояснится,
и пусть сирень в Елену обратится,
и человек в пылающем огне
своей судьбы – в себя преобразится.

Дитя осенних рощ, качелей легких птица!
лети и песню пой, и птице отвечай,
еще! еще! еще!

покуда, горяча,
ничья свеча в тебе горит и длится.

Тиресий

Зачем Тиресий шепчущий тростник ты
зачем Тиресий плачущий лесник ты
зачем ты – дочь, что тяжело мыслит яблоком,
таким тяжелым, полным крови облаком
что в яблоке плывет как черепаха
зачем Тиресий ты печальный колокол

зачем Тиресий ты стеклянный мальчик
зачем ты парус стертый в кровь до мяса
и клювом говоришь весь день свои четыре слова
и белой девочкой бежишь в волну
и ешь себя своей змеиной головой
и в телефон ослепшим глазом смотришь

и там в краю далеком
зачем ты белый белый самолет
над муравейником с железным оком

Флот в Авлиде

Снег идет и заметает мачты,
мерзлый флаг колеблется, лисьи следы по палубе,
корабли стоят строем, как вбок идущий колодец,
бесконечный, безлюдный и безразличный.
Кинь им горсть зерен – не пошевелиятся,
не сбегутся, не заворкуют,
из черепа песню не вынут, не изогнут
чьи-то губы отважным криком.

Стоят забывая себя постепенно
пока время и мысль не выветрят их контуры
вместе с контурами гор и светил.

Что, Батюшков, тебе в Авлиде...

Что Батюшков тебе в Авлиде
Сердечный мой зачем тебе Авлида
здесь звезды страшные горят
и птицы медью говорят
и волны, словно волк крылатый
тебя на части разорвать
хотят в тоске продолговатой
и красным языком лизать

Здесь лица жгутся Гераклита
с Гармонией, что вечно скрыта
под веком льва, под оком птицы
и в позвонке стоит как спица

Что, Батюшков, тебе в Эврипе
в двуногой пучеглазой рыбе
в деве, рожденной для ножа,
в ракушке с четверть этажа?

Но он, гармонией, как кровью
окутанный, стоит к ушам
прижав залив и, дрогнув бровью,
к суровым не идет мужам,

но чует ухом звук ничтожный
из раковины осторожной,
как таракан там или снег
снежинкой шепчется у век.

Он говорит: сие ушко
игольное не снести Атланту,
сколь смертных внутрь его ушло,
сколь звезд взамен пришло обратно.

Ждут ветра паруса. Ждут рыб
пустые сети, ждет полета
птенец и полнолуныя – лед,
чтоб лоб растаял в форме грота,
но Батюшков уже не ждет.

А он стоит в ушке иголки
и сам себе, и ей ушко
и в нем поют снега и волки
и время в вечность перешло
и вот сейчас в нее войдет

и русский снег и смертный пот.